

УДК 340:32

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.06

И. Л. Честнов

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
ichestnov@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. Автор статьи показывает перспективы политической юриспруденции. Она зарождается в США как движение правового реализма. Затем политическая юриспруденция в США развивается школой критических правовых исследований. Однако сегодня, по мнению автора, наиболее перспективным является другое направление. Оно связано с постклассической картиной мира и возникает в конце XX века. Важнейшую роль в становлении политической постклассической юриспруденции сыграли французские мыслители М. Фуко и П. Бурдьё.

Правовую политику, по мнению автора, в широком смысле можно трактовать как государственное (или социальное) управление в сфере права. Ее содержание образует определение необходимости в законодательном регулировании некоторых общественных отношений, формирование соответствующей формы права (законодательного акта) и ее реализацию в правопорядке, а также обратную связь — мониторинг правопорядка и уточнение необходимости изменения законодательства.

Ключевые слова: право; политика; юриспруденция; политическая юриспруденция; правовая политика.

UDC 340:32

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.06

I. L. Chestnov

St. Petersburg Law Institute (branch)
of University of the Public prosecution of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation,
ichestnov@gmail.com

POLITICAL JURISPRUDENCE AS AN INTERDISCIPLINARY TREND IN POSTCLASSICAL LEGAL SCIENCE

Abstract. The author of the article shows the prospects of political jurisprudence. It originated in the United States as a movement of legal realism. Then the political jurisprudence in the USA is developed by the school of critical legal studies. However, today, according to the author, another direction is most promising. It is associated with the postclassical

picture of the world and arises at the end of the 20th century. French thinkers M. Foucault and P. Bourdieu played the most important role in the development of political postclassical jurisprudence.

Legal policy, according to the author, in a broad sense can be interpreted as state (or social) management in the field of law. Its content forms the definition of the need for legislative regulation of certain social relations, the formation of an appropriate form of law (legislative act) and its implementation in the legal order, as well as feedback such as monitoring the rule of law and clarifying the need to change legislation.

Keywords: law; policy; jurisprudence; political jurisprudence; legal policy.

Право — сложное, многогранное явление, объект многих социогуманитарных наук. Одним из важных и интересных, эвристически ценных направлений исследования права является его политический анализ. При этом право, оставаясь предметом преимущественно юридической науки, достаточно перспективно исследовать с позиции политологии, политического его измерения. Такие рамки анализа права задает политическая юриспруденция как междисциплинарное направление.

Право, рассматриваемое с политической точки зрения, предполагает отказ от формализма в пользу демонстрации политической обусловленности и ангажированности юридического. При этом такой подход включает несколько направлений. Правовой реализм, или школа критических правовых исследований (преимущественно в США), акцентирует внимание на политическом присутствии в любом юридически значимом действии и решении, на их политической ангажированности. Именно этот подход наиболее распространен в современной политической юриспруденции США. В то же время точка зрения французских социальных философов П. Бурдье или М. Фуко, например, предполагает гораздо более сложную картину взаимодействия политики и права и, соответственно, предмета политической юриспруденции.

1. Политическая юриспруденция США как направление современного правоведения

Политическая юриспруденция достаточно значимое направление в юридической науке США второй половины XX века. Оно возникает из влиятельного течения — правового реализма — и примыкающего к данному течению социологической инженерии права Р. Паунда. В то же время политическая юриспруденция, по мнению С. А. Егорова, так и не приобрела институционального статуса, а представляет собой междисциплинарное направление в современной политологии и науке публичного права США, акцентирующее внимание на изучении политической составляющей в отправлении правосудия, преимущественно в деятельности Верховного суда США [3, с. 4]. Представители политической юриспруденции также обращают внимание на то, какое воздействие на этот процесс оказывают различные внеправовые социально-политические факторы и каковы последствия судебных решений.

В качестве методологии политическая юриспруденция использует преимущественно методики бихевиористской психологии: установка (аттитюд), социально-биографические и ролевые методики, факторный анализ, включая анализ внешнего социально-политического окружения.

Политическая юриспруденция в 70–80-х годах XX века получает новый импульс развития в школе критических правовых исследований и в ренессансе правового реализма, прежде всего в Италии и Франции. В школе критических правовых исследований выделяется несколько направлений: романтическое (представленная Д. Сингером), глобально-прагматическое (восходящее к Ю. Хабермасу), умеренно-прагматическое, или локально-прагматическое (Г. Пеллер), и оппозиционное, провозгласившее «конец политики» как оппозиции любым иерархиям (Р. Ангер) [8, р. 290–299].

В общем и целом движение критических правовых исследований относится к неомарксистской политической философии и стремится выявить классовую составляющую (или основу) в законодательстве и правопорядке современных, прежде всего буржуазных обществ. Такой подход, как представляется, можно квалифицировать как неклассическую философию права.

Политическую юриспруденцию можно рассматривать также с позиций постклассической социальной философии. Политика, в интерпретации М. Фуко, П. Бурдьё, Э. Гидденса (независимо от различий в их позициях), — это формирование образа социального, включая тот его аспект, который нуждается в государственно-правовом опосредовании. Политика — это символическая борьба по укреплению социального статуса в соответствующем поле (в широком смысле — в поле власти), по выработке социального капитала как ставки в такой борьбе. Политика в таком случае — это конструирование социальности (вместе с правом и другими социальными феноменами, прежде всего знаково-символическими системами). Роль символического (знакового) в современном мире постоянно возрастает и образует содержание политического. С помощью конструирования социальных значений политика формирует выгодное ей представление о социальном и правовом порядке как должном (картину мира, включая юридическую ее составляющую) и обеспечивает его легитимацию. Три этих подхода — условно говоря, бихевиористское, неомарксистское и постклассическое — это весьма актуальные направления в современной юриспруденции и философии права.

2. Политика и право: их взаимообусловленность и взаимовлияние в постклассической социальной философии

Политика, в традиционном ее прочтении, — это деятельность по управлению делами общества. Кроме того, политика имманентна власти: борьба за власть, распоряжение ею и ее распределение образует содержание политики. Постклассическая же интерпретация политики акцентирует внимание

на знаковом ее опосредовании и процессуальности. Политическое не существует вне ментально-психических процессов, которые не просто ее опосредуют, но конституируют. «Символы господствуют над людьми, представляя им образы, выдаваемые за действительность», — афористично пишет И. А. Исаев [4, с. 295]. Политическое, в таком случае, — это конструирование социального мира с помощью символической власти, высшей формой которой, по мнению П. Бурдьё, является право. Вырабатываемая государством — главным субъектом политики — во взаимодействии с основными социальными группами идеология как система господствующих в данном социуме представлений обеспечивает легитимацию существующего общественного и правового устройства (общественного порядка и правопорядка). Как писал в свое время Л. Альтюссер, школа не только обучает и приобщает детей к знаниям, но и к правилам порядка, установленным, по его мнению, господствующим классом, обеспечивая тем самым установленный доминирующим классом порядок в обществе¹. При этом государство действует как идеологический аппарат, включающий, по мнению французского неомарксиста, не только школу, но и религию, семью, юриспруденцию, политическую систему, профсоюзы, информационные системы, культуру. Неважно, что такие институты могут быть и частными (например, школьные учреждения), а важно то, что они контролируются и направляются государственной властью и служат интересам государства, которое, в свою очередь, по мнению Л. Альтюссера, выражает интересы буржуазии². Такого рода воздействие значительно отличается от прямого (физического) принуждения и описывается в неомарксизме термином «гегемония». Со времен А. Грамши, гегемония — это такое сочетание силы и согласия, которое исключает преобладание первого над вторым, это создание видимости того, будто сила опирается на согласие большинства через органы общественного мнения.

Государство дисциплинирующими практиками, как показал М. Фуко, производит субъектов как таковых и, несомненно, субъектов права. Государство, используя такую форму власти, как «власть знания», распространяется непосредственно на повседневную жизнь, «классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов» [6, с. 168].

Более того, как заявляет П. Бурдьё, современное государство с помощью символической власти официальной номинации «учреждает» социальный мир. Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая

¹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. Идеология и идеологические аппараты государства. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 05.01.2023).

² Там же.

гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (в особенности — чувство социального мира) предполагает то, что Дюркгейм назвал логическим конформизмом, то есть «гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами» [2, с. 89]. Эта символическая власть сосредоточена, прежде всего, в руках государства. Государственная власть, утверждает П. Бурдьё, производит и навязывает «(в частности, через школу) категории мышления, которые мы согласно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству» [1, с. 220].

Эти достаточно абстрактные положения социально-политической философии уместно конкретизировать анализом правовой политики, выступающей содержанием политической философии.

3. Правовая политика как содержание политической юриспруденции

Содержание политической юриспруденции, как представляется, составляет правовая политика. Именно в ней в концентрированном виде воплощаются все содержательные характеристики политической юриспруденции как направления научного исследования права с позиций политического измерения. Рассмотрим правовую политику в постсовременном обществе и то, как она исследуется в постклассической юридической науке.

В структурном аспекте правовая политика может быть рассмотрена как стадии выработки решений, облеченных в юридическую форму, имеющих социальное значение. Другими словами, это такие решения, которые касаются общества в целом. Стадиями же правовой политики выступают, во-первых, определение перспектив или основных направлений правового развития общества (правовая стратегия), во-вторых, ее конкретизация в принимаемых нормативных правовых актах (законодательстве в широком смысле слова, включающем все формы внешнего выражения нормативности права); в-третьих, реализация этих форм нормативности права в юридических практиках, образующих правопорядок в обществе (в социолого-правовом смысле). Правовая политика не может и не должна пониматься исключительно как выработка правовой стратегии, хотя это важнейшая ее — правовой политики — стадия. Только тогда, когда стратегия воплощается в практиках, можно говорить о функционировании правовой политики, о ее воплощении в правовой жизни. Именно эта стадия позволяет оценивать (всегда приблизительно) то, насколько реалистична правовая стратегия и эффективна правоприменительная политика.

Сама по себе структура правовой политики ничего не говорит о ее содержании. Содержательный же аспект правовой политики контекстуально опосредован и сегодня значительно изменился по сравнению с ее классическим образцом. Постсовременный мир, задающий контекст правовой политики, — это, прежде всего, новое представление о реальности, включая границу того,

что можно считать реальным и вымышленным («нереальным»). Реальность проблематизируется, во-первых, социальными представлениями о существующем как о реальном. Без таких представлений, циркулирующих в средствах массовой коммуникации, фактически совершенное общественно опасное деяние не будет квалифицировано как преступление, выход людей с политическими лозунгами как политическая акция и т. д. Так понимаемая реальность характеризуется стохастичностью, перманентной изменчивостью, нестабильностью. Важно также то, что она — реальность — не может иметь одной «единственно верной» оценки. Это связано с тем, что ценности, которые ранее были относительно гомогенными в разных культурах, стали фрагментарными и диффузными. В множестве социальных групп и культур (возможно, субкультур) свои системы ценностей, с позиций которых оценивается происходящее в мире. Борьба представителей основных социальных групп за право официального определения явлений и событий, приписывания некоторым из них юридической значимости и образует содержание правовой политики.

Содержание правовой политики в современной отечественной литературе все еще раскрывается через придание ей научной обоснованности. При этом предполагается возможность четкого и однозначного соотнесения рационально сформулированной цели, результата и средств, затраченных на достижение поддающегося калькулированию (расчету) результата [5]. Такая программа политики права характерна для эпохи модерна, или индустриального общества с его сциентистской картиной мира. Современная (постсовременная, постклассическая) наука видит, знает и признает свою ограниченность (что не ставит под сомнение важность и необходимость науки как феномена культуры). Ограниченная рациональность, невозможность дать точный прогноз сложным социальным процессам, оценить их последствия, особенно отдаленные и побочные, — вот далеко не полный перечень критики (или) провалов «сциентистского разума». Неопределенность сегодня выступает принципом не только политического мышления, но и фактически принципом функционирования правовой системы общества [7, с. 98–115]. Поэтому политика права должна отказаться (и уже отказывается) от претензий на рациональное преобразование мира с помощью методологии социальной инженерии (которая, как показал Р. Паунд, всегда опирается на право). Более того, правовая политика отказывается и от попыток онтологического (или онтического) ее обоснования. Невозможно найти причины, с неизбежностью производящие следствия, в стохастическом, неустойчивом социальном мире, в котором правит случайность (хотя вероятностные тенденции можно и нужно выявлять). Поэтому постсовременная политика права акцентирует внимание на процессе принятия решений в историческом и социокультурном контексте, на убедительность доводов в пользу их — решений — принятия (или отказа), на отношения власти и населения при обсуждении таких решений и их легитимации.

Таким образом, политическая юриспруденция как междисциплинарное направление в постсовременной юридической науке отказалась от догм наивного натурализма — поиска онтических оснований нормотворчества и правоприменения в пользу акцента на анализе дискурсивной процессуальности. Это не означает полного отказа от исследований функциональной значимости правовой стратегии и эффективности правопонимения, но говорит о необходимости их вписания в исторический и социокультурный контекст, воспроизводимый в том числе дискурсивными практиками наделения социальных явлений юридической значимостью и их реализации в правопорядке.

Список источников

1. Бурдые П. Дух государства // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.: отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
2. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
3. Егоров С. А. Политическая юриспруденция в США. М.: Наука, 1989. 219 с.
4. Исаев И. А. Господство: очерки политической философии. М.: Норма, 2008. 351 с.
5. Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А. В. Малько. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2010. 273 с.
6. Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. В. М. Скуратова; под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис. 2006. Ч. 3. 311 с.
7. Честнов И. Л. Определенность/неопределенность в праве: постклассическая интерпретация // Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. 296 с.
8. Tushnet M. Some Current Controversies in Critical Legal Studies // German Law Journal. 2011. № 12. 290–299 p.

References

1. Burd`e P. Dux gosudarstva // Burd`e P. Sociologiya social`nogo prostranstva / per. s fr.: otv. red. perevoda N. A. Shmatko. M.: Institut e`ksperimental`noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2005. 288 s.
2. Burd`e P. O simbolicheskoy vlasti // Burd`e P. Sociologiya social`nogo prostranstva / per. s fr.: otv. red. perevoda N. A. Shmatko. M.: Institut e`ksperimental`noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2005. 288 s.
3. Egorov S. A. Politicheskaya yurisprudenciya v SHA. M.: Nauka, 1989. 219 s.
4. Isaev I. A. Gospodstvo: Oчерki politicheskoy filosofii. M.: Norma, 2008. 351 s.
5. Pravovaya politika: slovar` i proekt koncepcii / pod red. A. B. Mal`ko. Saratov: Saratovskaya gos. akad. prava, 2010. 273 s.
6. Fuko M. Sub``ekt i vlast` // Fuko M. Intellektualy` i vlast`: Izbranny`e politicheskie stat`i, vy`stupleniya i interv`yu / per. s fr. V. M. Skuratova; pod obshhej red. V. P. Bol`shakova. M.: Praksis, 2006. Ch. 3. 311 s.

7. Chestnov I. L. Opredelennost' / neopredelennost' v prave: postklassicheskaya interpretaciya // Neopredelennost' prava: filosofskoe osmy'slenie i juridicheskoe znachenie: monografiya / pod obshh. red. O. Yu. Ry'bakova. M.: Prospekt, 2022. 296 s.

8. Tushnet M. Some Current Controversies in Critical Legal Studies // German Law Journal. 2011. № 12. 290–299 p.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2023;
одобрена после рецензирования: 21.02.2023;
принята к публикации: 25.02.2023.

The article was submitted: 09.02.2023;
approved after reviewing: 21.02.2023;
accepted for publication: 25.02.2023.